

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petrso.ru>

Выпуск 1 (№ 1), 2021

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petrsu.ru

<https://verba.petrso.ru>

Критика

Что такое карельская поэзия?

ВЕРЕСОВ Илья

бакалавриат, ПетрГУ (Пр. Ленина 33),
ilya.hoff@yandex.ru,
бакалавриат

***

Пожалуй, вопросом «что такое карельская поэзия» можно задаваться лишь во время тяжелого духовного кризиса.

Когда пытаешься за именем «карельская поэзия» нащупать что-то твердое, неизбежно хочется приступить к поиску сверху вниз, начинать с таких слоновьих понятий, как *национальная литература*, неопределенно пахнущая морошкой и медведями. Впрочем, скоро это отметаешь — не в тех мы погодных условиях, да и не важно это. Есть же и место самой простой и незатейливой групповой идентичности, — ведь есть же у нас целый пласт «северной прозы». Что с того, что нет больше «Карелии, которую мы потеряли»? Дмитрий Новиков давно понял, что это вполне работает как минус-прием: *«Где вы, полярные капитаны, корщики, купцы, строители кораблей и домов? Где вы, рыбаки и солевары, белоголовое братство, воины, вдовы, отважная ребятня? Где вы, виноград земли русской?»* и т. д.

Затем отметаешь и это — вспомнив, как сам плевался по три дня болотным илом после того, как напишешь строку вроде *«быт ерша начинает колоться...»* Тоже не важно, тем более, в неумелых и неумных руках — пошло. В конце концов, всё это приходит не из назиданий на уроках «Моя Карелия» или групповых тренингах по плетению сетей — это должно само родиться из уже генерирующей смыслы кипы перьев в живых руках. Там нужно уже будет просто выбить кран в определенном месте, и куда-нибудь польётся. Итак, нам хотя бы просто нужна поэзия, безо всякого лица, но с какой-то костью под ним.

Здесь мы наконец и перейдем к прямому обвинению: поэзии нет. Возможны случаи появления отдельных интересных авторов: разрозненных, асинхронных, словно вопреки тому школьному примеру из курса физики, когда несколько солдат строгим маршем создают резонанс, который рушит мост. Но возникающие изредка объединения, мероприятия, совместные проекты, etc. включают обычно, к

сожалению, не авторов, а активистов. Я буду совсем груб: в большинстве своем мы довольствуемся наивной поэзией. Это не обвинение, а наблюдение; именно ей приходится, тяжело дрожа, заполнять место литературной традиции. Она с этой ношей справляется плохо — её представители не находят выходов на значимые площадки, читателей и критиков, а самое главное, быстро теряют интерес к собственным текстам и уходят навсегда.

Бальзак писал в «Утраченных иллюзиях»: «Вдали от центра, где блистают великие умы, где самый воздух насыщен мыслью, где все постоянно обновляется, старомодной становится даже образованность, вкус портится, как стоячая вода». Этот тезис, к сожалению, так и не устарел, но давайте его чуть упростим и осовременим. Культура тяготеет к большим городам. В случае с поэзией она дополнительно тяготеет к гуманитарным факультетам, активно занимающимся изучением современной литературы. Главный коллективный опыт в поле провинциальной лирики — это огромный разрыв с актуальной поэтикой, ушедшей на какое-то время в подполье или эмиграцию, и он остро чувствуется на окраинах.

Итак, если прямо и грустно отвечать на вопрос «что такое карельская поэзия настоящее время»: это нечиненая сеть, неумная поветерь, нетронутые берега. Но что мы делаем не так, и можно ли вообще расчистить эти берега своими руками?

Не так давно я листал рецензию на самарский альманах актуальной поэзии и прочитал занимательные успокаивающие строки: «В актуальной поэзии нет провинций и центров, есть институции, проекты, тексты, горизонтальные связи, сближения и сообщества, внутри которых рождается актуальное искусство».

Здесь нужна оговорка: предикат «актуальности» должен на что-то опираться (и в случае этого альманаха — он опирается). Словно подростку, нашей литературе требуется Другой как какой-то объект для процесса идентификации. То есть, неважно, горизонтальная это будет связь или вертикальная, будет ли кормящая рука укушена, какие чудовищные всходы дадут случайно брошенные семена; главное — упереться взглядом в сторону центров, аккумулирующих культурные запросы. Откуда этот взгляд может быть направлен? В общем-то — неважно; это может быть журнал Верба, и другой похожий проект, или, в обратную сторону — связка с каким-то крупным медиаресурсом извне, региональное событие (любого масштаба, вплоть до отдельного человека), находящее в нем отклик. Неважно, что произойдет после установления зрительного контакта.

Современное цифровое пространство снимает тысячи затруднений, которые могли возникать до этой цифровой глобализации: упомянутый зрительный контакт с Другим можно налаживать виртуально, проекты легче создавать и заниматься вовлечением; наконец, просто легче формировать дискурс, расширять кругозор и читателей, и авторов. То есть, легче учить и учиться.

Учиться нам нужно даже там, где, казалось, мы чего-то да знаем. Вернемся, например, к морошково-медвежьей национальной литературе. В самых наивных

литературных опытах ныне пишущих виден иногда запрос на духовную привязь к родному частокольчику. Он идет из какой-то тонкой боли об оставленных деревнях, из взгляда на утрабованный в землю ОТЗ. Но артикулировать этот позыв на адекватном чувственном и техническом уровне в лирике — это не то же самое, что просто грустно смотреть на ламбушку. Вспомним, был такой Геннадий Айги, который чуть ли не просто разрывами и дуновениями в синтаксисе смог описать тысячи разных полей между Москвой и Чебоксарами:

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОЛЯ

Л. Ю.

А там за мостом

завершающе-дальнее —

просто — "душа"! — будто что-то имея от нас

внутренне-зрящее —

вновь шевелящееся — памятью

от давних

флоксов... —

а временами — как будто

чем-то и ранее детства! —

и в нём (издалёка и издавна)

есть тихая та — умирающая

всегда

недавно

... и ещё, вдобавок, несколько десятков вариаций на чувашские, марийские, татарские и удмуртские песни.

В седые времена, конечно, у нас были авторы, которые на теле официальной

поэзии оставили до сих пор чуть саднящие рубцы, вроде строчек Брендоева:

...Чтоб только топор понимал, сколько муки

он может извлечь из елового дня.

Мне слышать бы дятла зазорные звуки

да видеть в лососе сиянье огня...

Но официальной советской поэзии нет, как и нет её однородного продолжения, а новое время может поставить и вопрос: уместна ли вообще сейчас такая поэтика? Может, «национальное» вообще уже давно оставлено и преодолено, и «региональное» реализуется совсем через другие инструменты узнавания окружающего мира?

Чтобы поднимать и обсуждать такие вопросы, нам и нужен продуктивный дискурс, о котором я писал выше.

Часто определение поэзии начинается со слова «поиск». Ищущий да обрящет, но сначала нужно стать Ищущим.